

Наталья Усанова

Тайный умысел

12+

Наталья Усанова

Тайный умысел

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51690211

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06411-9

Аннотация

Две подруги школьных лет Лёлька и Мара по завершению учёбы в школе ищут свой путь в жизни, свою профессию. Параллельно с учёбой они знакомятся с новыми подругами и ребятами, будущими студентами медицинского института. Между ними завязывается дружба, а затем и любовь. Подруги и ребята проходят через многие испытания... Действие романа развивается от начала двадцатых годов XX века и завершается 1991-м годом.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Часть первая

Глава 1

Жила – была девочка. Звали её Лёлька. Когда она вырастет, её станут называть Олей, Ольгой, а потом будут величать и по отчеству. А пока она пацанка, мальчишница, потому что все друзья у неё – мальчишки, и Лёлька не хуже них лазает по деревьям, плетням, рыбалит на озере. А ещё она – «Савраска» – так зовёт её дедушка Пантелей. Правда, Лёлька не понимает, почему он так называет её: савраска – это же лошадь, а она-то девочка! Лёлька из-за этого слова сердится на дедушку, а тот, знай себе, смеивается в ковыльные с рыжинкой усы.

Ещё у Лёльки есть мама – Евдокия Пантелеевна, папа – Яков Петрович, бабушка Фрося и бабушкина сестра – баба Груня. Это самые близкие для неё люди.

По стечению обстоятельств и к её радости живёт она у бабы Груни. У бабушки Фроси много детей (аж целых двадцать: двое – двоень, трое – троень, и семеро по одиночке! – так она их пересчитывает), и ей некогда заниматься Лёлькой. Лёлькин папа – военный, и поэтому он вместе с мамой переезжает с места на место.

Чтобы Лёлька не моталась с родителями по городам и ве-

сям, баба Груня забрала её к себе. Баба Груня бездетная, но безумно любит детей, и в Лёльке – отчаянной сорви – голове души не чаёт. Вообще-то, родственников у Лёльки очень даже много, прямо-таки уйма! Какие-то живут на хуторе, какие-то в других местах. Голод-то не тётка, сидеть не велит, вот и разъехались они кто – куда в поисках лучшей жизни.

В двадцать пятом на хутор пришла беда: власть взялась за раскулачивание. Раскулачили и дедушку Пантелея. При большой семье у них с бабой Фросей было два дома, лошади и много всяких других животных и птиц. Отобрали у дедушки один дом, всю живность, да порешили ещё и детей забрать с собой, а самому младшему в тот год было не больше восьми лет.

Всё происходило на глазах у Лёльки. Младшие ребята цеплялись за бабушку, кричали, плакали, а здоровенные дядьки не могли оторвать их от неё. Лёлька тоже кричала, кусалась, царапала дядек, защищая бабушку и ребят. Дядьки отпихивали девочку, стегали хворостиной и орали:

– Уберите эту малявку, или зашибём её!

И зашибли бы, если бы не оттащила внучку баба Груня. Баба Фрося тогда поехала вместе с ребятами, наказав дедушке не горевать, а ждать их возвращения. Дедушка всё равно расстроился, да так, что слёг. Баба Груня с Лёлькой каждый день топтались у него, старались подбодрить. А дед, с красными от слёз глазами, всё высказывал Лёльке обиду на её отца:

– Вот, Лёлька, твой папка воевал- воевал за эту советскую власть, сам умотался, бог знает куда, а эта власть-то и даёт нам прикурить! Я за свою жизнь таких безобразиев больше нигде не слыхивал и не видывал! Это ж какие дурьи головы надо иметь, чтобы детей у родителей отымать?! И кого без куска хлеба оставлять? – Свой же народ!

– Ну, чевой-то ты, Пантелей, на ребятёнка накинулся? – заступалась баба Груня. – Ребятёнок тут причём! Да и Яша за правую власть страдал. А олухов всегда хватало. Потерпи: вернётся Фрося с детьми!

Лёльке, пяти лет от роду, пока было не понять, что такое «советская власть». Но девочка видела, как деда с бабушкой обидели, ребят увезли, а она с ними вместе играла и в «казачков – разбойников», и в «красных и белых», где Лёлька всегда была «красной», как папа, который на войне был красным казаком. Она гордилась папой, заступалась за него, с горячностью и упорством повторяя вновь и вновь:

– Враки, деда! Враки! Папа скоро приедет, и ты увидишь – он хороший, он лучше всех!

– Правильно, Лёлюшка, правильно! Твой папа лучше всех, – ободряла её баба Груня. – А чево тут олухи натворили – то он не виноват. Ну, ничево: в станице надають им по шапке орехов, на весь век хватить поминать!

Через какое-то время баба Фрося приехала с младшими ребятами, а старших всё ж таки увезли, как сказали, на стройку какого-то завода. Дед малость повеселел. А жизнь

теперь пошла полуголодная. Поначалу питались картошкой да соленьями из погреба, да выручало ещё козье молоко, которое приносила им баба Груня. Её-то не раскулачивали: что с неё взять – одинокой старухи?

Зимой стало тяжелее: запасы картофеля иссякли, перешли на картофельные очистки, которые оставляли для посадки весной. Но их старались беречь. Еле дотянули до весенней травки. С её появлением баба Груня повела ребят на луга, показывая, что можно есть. А там пошли ягоды, грибы, рыба из озера, которое летом сильно мелело, превращаясь в болото. Озеро было богато на рыбу, птиц. Лёлька и раньше ходила с мальчишками рыбалить на озеро, а теперь и подавно – рыба всё же вкуснее, чем лебеда. Баба Груня каждый раз ахала, удивляясь и восхищаясь Лёлькиным уловом и внучкой:

– Ай, да, Лёлюшка! Ай, да, рыбачка! Кормилица ты моя! Сейчас мы с тобой такую юшку сварганим, какую и цари не едали!

И она действительно варила вкуснейшую юшку с раздобытым где-то пшеном и ароматными травами. Из очисток вырастили в тот год неплохой урожай картофеля, которого хватило на зиму, на еду, да и на весеннюю посадку.

Жизнь постепенно налаживалась. Лёлька начала учиться в школе. Ей понравилось учиться, но она как дома, так и в школе оставалась сорванцом в юбке, и частенько получала «неуды» по поведению. С девочками Лёлька не водилась, а

с мальчишками привычно вела себя как атаманша. Была за-тейницей игр, приключений, а то и проказ, за что её и нака-зывали.

Девочкой она была смышлёной, всё «схватывала на лету», как говорила учительница бабе Груне, и советовала отпра-вить её на дальнейшее обучение в город. Баба Груня расска-зала об этом приехавшим родителям Лёльки. Отдохнув на хуторе, повидавшись со всеми родными, родители отправи-лись в город вместе с дочкой.

В городе всё устроилось удачно и со школой, и с прожива-нием. Лёльку взяла к себе мамина сестра – тётя Ганя. Мама с папой вскоре уехали, а у Лёльки началась новая жизнь.

У тёти Гани был муж дядя Митя, и дочка Люба, младше Лёльки на два года. Они быстро подружились, вместе игра-ли, вместе помогали тёте Гане. Тётя Ганя была невысокого роста, подвижная, шустрая в работе, всё вокруг неё «верте-лось колесом». Она и девочек подгоняла всё делать быстро, но толково. Лёлька от бабы Груни успела научиться много-му, и поэтому легко попевала за тётей Ганей, хотя бабушка всё делала не спеша, основательно. Люба же была копуша, но Лёлька её жалела, так как та была младше неё. Но ино-гда Лёлькиного терпения не хватало смотреть, как сестрёнка долго возится то ли с прополкой грядок на огороде, то ли с чисткой картошки для супа. Тогда она брала второй нож и тоже принималась чистить картошку. Но тётя Ганя одёрги-вала её:

– Ну-кошь, помощница, геть отсюда! Ты собралась до женихов чистить за неё картошку? Пусть сама старается! Больше пользы будеть!

В школе Лёльку посадили на последнюю парту рядом с высокой худенькой девочкой. Её звали Мара. Она стала помогать Лёльке в подготовке к урокам, которые Лёлька основательно забыла за прошедшее лето. Девочки подружились. Для Лёльки это было необычно. До сих пор друзьями у неё были только мальчишки, девчонок она считала капризулями и плаксами, поэтому держалась от них в стороне.

Мара оказалась не такой. Она очень любила читать, чем и подкупила Лёльку. Поначалу Мара пересказывала ей прочитанные рассказы, а то и книжки, а потом стала давать почитать их. Она привела Лёльку к себе домой, где та немало удивилась количеству книг в специальном книжном шкапе. Но для семьи Мары книги были самым обычным делом, и в то же время – самой большой драгоценностью. Её родители были учителями. Лёлька втянулась в чтение, забыв об играх и проказах.

Городская жизнь дала ей новые увлечения, интересы, но всё же бабы Груни девочке не хватало: она очень скучала по ней. С бабой Груней никогда не бывало скучно: та и сказку могла рассказать, а попутно травки какие-то показать и объяснить, почему они так называются, и зачем нужны людям. Она же научила Лёльку и на машинке шить, и крючком вязать, спицами, приговаривая, что любое умение пригодится,

надо только не лениться.

Однако ездить на хутор Лёльке доводилось редко. Далекое, да и с транспортом были проблемы. Приходилось ждать, когда кто-то из хутора приедет в город по делам и заберёт её с собой.

Только летом на все каникулы Лёлька уезжала к бабушкам.

Пробежали, остались позади годы учёбы в школе. Подростевшие подружки надумали ехать в Москву, учиться на учительниц, и потому поездка на хутор в это лето не предвидится. Лето стоит знойное, сухое. От безводья и пекла извелись и люди и животные. На потрескавшейся земле пожелтевшая сухая трава, зелёную поросль можно встретить лишь у водоёмов да на огородах, поливаемых хозяевами.

Лёлька сидит на качели в тени виноградной листвы, укрывшей кружевным пологом двор и дом тёти Гани. Над Лёлькиной головой свисают длинные плети с гроздьями ещё не созревшего винограда. Полог подпирают деревянные столбцы, опутанные лозой.

Хорошо в тени полога!

Лёлька читает книгу, пекло клонит её в сон, она упорно сопротивляется. С улицы, из-за плетня, слышится звонкий девичий оклик:

– Лёлька! Айда купаться!

Лёлька, встрепенувшись, кричит в ответ:

– Иду! Подожди!

Переодевшись в новый купальник и платье, она выбегает на улицу. Мара терпеливо поджидает её на скамейке в тени ветвей старой яблони, щедро раскинувшей их из-за плетня. Вместе они бегут, загребая ногами пыль, доходящую до середины голени, к озеру на окраине города.

По берегам его высятся старые вербы и гордо смотрятся в его зеркальную гладь. У самой воды – заросли тальника. Много тальника и на илистом дне озера. Оно глубокое, вода в нём чистая, прозрачная, пока кто-нибудь из мальчишек – смельчаков не нырнёт в глубину и не взбаламутит ил. Пытающихся добраться до его дна охватывает страх запутаться в скопище веток, скользких, неприятных на ощупь.

Ребятня и взрослые купаются, в основном, у берега. Редко находятся желающие переплыть озеро. Вода в нём даже в самую жару остаётся холодной. Старожилы рассказывают о подводных родниках на дне, наполняющих озеро водой. В ширину оно сажень пятьдесят, а вот в длину вытянулось на несколько сот метров, так что его вполне можно принять за речку.

Подружки частенько бегают туда освежиться прохладной водой, позагорать.

Рядом с озером простираются бахчевые плантации близкого к городу совхоза. В прежние годы девочки вместе с мальчишками срывали ближайшие к озеру арбузы и кидали их в воду, завидев сторожа – бахчевника, скачущего на ло-

шпади. Сами они тоже сигали в воду вслед за арбузами, потому что знали: тот будет стрелять им вслед солью из ружья. В воде они прикрывались арбузами и переплывали иной раз на другой берег, если сторож бывал очень уж сердит. Когда-то соль дробила арбузы, а когда-то попадала и в мягкое тело. Вода озера была спасением в любом случае.

Повзрослев, девочки потеряли интерес к такому рискованному развлечению. А вот плавать на противоположный берег они продолжали, причём зачастую – наперегонки. Иногда к их соревнованию присоединялись и ровесники – мальчишки. Подружки плавали хорошо, и им доставляло огромное удовольствие оставлять соперников далеко позади себя.

Прибежав к озеру, девочки обнаружили своё любимое местечко под вербой занятым незнакомыми ребятами. Их было трое.

– Ну вот..., – расстроилась Мара, – остались мы без места!

– Озеро большое. Найдём другое, – успокоила её Лёлька.

– Девчата, располагайтесь рядом с нами! Веселее будет. У нас мяч есть, карты. Не уходите! – остановил их кучерявый парень.

– Вот ещё! Мы в карты не играем! А, вообще-то, вы заняли наше место! – вызывающе ответила Мара.

– Миль пардон! Просим прощения! Мы же не местные. Откуда нам знать, что это ваше место?! – воскликнул худощавый парнишка невысокого роста с серым ёжиком волос на

голове.

– Мы так и поняли, – ответила Лёлька. – Своих местных мы знаем.

– Неужели? – спросил кучерявый. – Но меня-то вы не знаете. А я тут жил раньше. А почему бы нам сейчас не познакомиться! Карпушин Иван, – представился он.

– Мара, – покраснев, сказала Мара.

– Лёлька. Ой! Оля, – смутилась Лёлька.

– Иван Белобров, – протянул руку высокий парень.

Ему по руке хлопнул третий, с ёжиком на голове:

– Девушкам руку не подают, когда здороваются и знакомятся! Иван третий – Наливайко! – он весело приподнял шляпу из газеты и шаркнул ногой по сыпучей земле.

– О как! Три Ивана! Вот здорово! А вы не шутите? – блеснула карими, слегка навывкате, глазами Мара.

– Нисколько, – сказал кучерявый. – Какие могут быть шутки? Вам наши паспорта показать?

– Не надо. Поверим на слово. А как люди обращаются к вам: по фамилиям?

– Когда как...

– А можно, мы будем звать вас – Ваня, Ванечка и Ванище? В глазах ребят побежали смешинки.

– И кто же будет кто? – вытирая слёзы смеха, спросил Наливайко.

– Ты – само собой – Ванище, Иван Белобров – Ванечка...

– Ну, уж не-е-т! – возмутился Наливайко. – Ванище – это

же прозвище какое-то! Я не согласен!

– А кто тебя спрашивать-то будет? – закатились хохотом друзья. – Прилипнет – не оторвёшь!

– Эх, девчонки! Обидели вы меня! Всё. Ухожу, прощайте! Подобрал брюки и рубашку, он театрально изобразил уходящего обиженного человека. Девочки расхохотались.

– Ваня, прости нас! Мы не нарочно! Так получилось! – так же театрально раскаиваясь, умоляюще попросила Мара. – Мы сами уйдём!

Испытывая всё же стеснение и смущение в обществе новых знакомых, они прошли дальше и вскоре нашли удобное тенистое место. Скинув платья у вербы, спустились к воде. Немного поплескавшись у берега, поплыли через озеро. Сначала плыли не спеша. Но холодная вода невольно заставляла двигаться быстрее, подстёгивая к соревнованию. Плывущих следом за ними парней заметили не сразу.

– Лёлька! Прибавь скорость! – крикнула Мара немного отставшей подруге. – Сзади противник!

Лёлька оглянулась, и, увидев ребят, крикнула:
– Вперёд! Знай наших! – и поплыла быстрее, прикладывая все свои силы.

Ребята оставались далеко позади, когда девочки добрались до берега. Ощувив под ногами землю, они повернулись к соперникам лицом, чтобы крикнуть: «Ура! Мы победили!», но вдруг увидели, что плывущий последним как будто тонет. Девочки закричали:

– Спасите друга! – Он тонет!

Ребята оглянулись, и, увидев тонущего товарища, рванулись выручать его. Как оказалось, чуть не утонул «Ванище». Вытащив друга на берег, Ванечка согнул его через колено лицом вниз, и надавил ему на спину. У того изо рта хлынула вода, он закашлялся.

– Вот чудо! Как это тебя угораздило нахлебаться воды?! Ты же всегда хорошо плавал! – удивился Ванечка.

– Да ногу свело, и я не успел сообразить, что делать! – прокашлявшись, ответил «Ванище».

– Что делать? – Кричать: «Спасите!». Если бы не девчонки, кормил бы ты теперь рыбок на дне озера! Запомни на всю жизнь – ты их вечный должник! Они твои спасительницы, – лукаво подмигнул девочкам Ваня Карпушин.

– Вот и неправда! Мы тут ни при чём! Это они тебя спасли! – воскликнула Мара.

– Слава Богу! Чудеса ещё случаются на земле! Никто не спасал, а я живой. Спасибо тебе, Господи! Спасибо и вам всем на всякий случай! – то ли в шутку, то ли всерьёз воскликнул «Ванище».

– Ты чего это, брат? О каком боге ты говоришь? Его нет! Есть люди, которые спасли тебя. Чему только тебя учили в школе? Не вздумай ещё где сказать такое! Никакого института тебе тогда не видать, как своих ушей! – разволновался Ванечка.

– А вы в институт собрались поступать? – спросила Мара.

– Да, – ответил за всех Ваня, – хотим в медицинский. У нас в Сталинграде его открыли совсем недавно – в позапрошлом году.

– Вот здорово! – восхитилась Лёлька. – Будете работать докторами?

– Не докторами, а врачами. А вы? Тоже поедете учиться?

– Да, – грустно ответила Мара.

– Так это же хорошо! Зачем грустить?

– Ехать далеко от дома. Скучать будем.

– В какой город?

– В Москву.

– Ничего вы замахнулись! А почему не в Сталинград? Всё поближе.

– В Москве у нас есть родственники. Будет, где жить.

– На кого хотите учиться?

– На учительниц, – ответила Мара.

– Я так и подумал, – сказал «Ванище», – вы очень похожи на учительниц.

– Это чем же? – заинтересовалась Лёлька.

– Вы обе такие ... «строгие», что боишься чего-то лишнего сказать, спросить, – подковырнул он.

– Да уж! Ты у нас завсегда был таким «стеснительным», что палец в рот не клади! – урезонил его Ванечка. – Сколько учительниц от тебя плакали? – Не считал?

– И правда, девчата: не лучше ли вам пойти в медицинский? Врач – это тоже неплохо! – предложил Ваня.

– Мы как-то и не думали об этой профессии. И не готовы туда поступать. У нас в школе не было уроков по химии и биологии.

– В институте есть рабфак, где можно пройти подготовку по всем предметам, которые нужны для учёбы в медицинском. К тому же там есть общежитие. Это точно.

– Хорошо. Мы подумаем. А пока нам пора возвращаться. Нас дома, наверное, уже потеряли, – сказала Лёлька, и попрощалась: – До свидания, мальчики!

– До свидания! Приходите завтра на озеро! Мы будем ждать вас!

Слова ребят летели девочкам уже вслед, те спускались к воде. Отдохнув на берегу, они с новой энергией поплыли в обратный путь. Ребята с интересом провожали их взглядами до конца заплыва.

Домой девочки шли неторопливо, окольными тропинками, сторонясь пыльной дороги. Может быть, впервые за годы дружбы шли молча, им ни о чём не хотелось говорить. Каждая думала о своём, но мысли их, в общем-то, были схожи. Куда-то исчезла их всегдашняя лёгкость, беззаботная весёлость. Пришла пора серьёзных перемен. Перед ними открылся выбор. Они призадумались ...

Тропинка привела к задворкам огорода тёти Гани. Лёлька собралась было попрощаться с подружкой и привычно перемахнуть через плетень, но тут Мара вдруг спросила:

– Лёль! Тебе кто-нибудь из ребят глянулся?

Лёлька от неожиданного вопроса ничуть не растерялась:

– По мне – все хороши. Один – как дуб могучий, другой – как стройный тополь, а третий ..., может, как крыжовник? Небольшой, но колючий.

Мара хохотнула:

– Вот-вот! Но, всё-таки, сладкий? Да?

– Как бы не подавиться, да заноз не насажать!

– Да уж ... Да он и не про нас – многовато колючек!

– Маруля! Ой – ой! Так он тебе понравился?

Мара кивнула головой:

– Он такой малесенький! Мне его сразу так жалко стало ...

– Марульчик! Только не влюбляйся! Он же тебе по плечо!

Пусть подрастёт ещё маленько. У нас с тобой первое дело – учёба. Значит, в Сталинград ехать нельзя. Только в Москву!

– В Москву разгонять тоску, за песнями?

– Всё бы тебе – за песнями! Учиться, и никаких гвоздей, как сказал товарищ Маяковский. Пока! До завтра!

– А завтра на озеро пойдём?

– Обязательно!

Лёлька по-мальчишески перемахнула через плетень. По краям картофельного поля золотым кантом цвели подсолнухи, а за ними вдоль плетня почти сплошным забором – крыжовник. Созревшие крупные ягоды уже осыпались. Пришла пора собирать их. Лёлька набрала горсть ягод и отправила в рот. Вкусно! Набрав ещё горсть, пошла по тропке через поле. Ближе к дому шли грядки огорода, и, вперемешку, яблони и

чёрные груши – «дули». Завершали сад – огород кусты смородины и виноградник, укрывавший сенью весь двор. Двор был обустроен уютно: тут и печка, и обеденный стол со скамьями, и душевая летняя кабина с бочкой наверху, и топчаны для ночлега на свежем воздухе. Здесь же дядя Митя соорудил баню, а рядом – голубятню. В глубине двора – погреб – ледник для зимних заготовок и молочных продуктов.

В летнее время жизнь людей, живущих в собственных домах, протекала, практически круглосуточно, во дворах. Лёлька, проходя по участку, уже издали слышала голоса со стороны двора. Подходя ближе, она, наконец, разглядела приехавших маму и папу. Рванулась к ним бежать, но тут из-за кустов смородины выскочили мальчишки: её младший брат Виталик, которого мама родила вдалеке отсюда, и которого она не видела почти три года, и младший сынишка тётти Гани, Гриша. Мальчики были погодками: Виталику шесть лет, а Грише – пять. С радостным криком они бросились к Лёльке и повисли у неё на руках. Она закружила их, подхватив руками, и с ними подбежала к родителям запыхавшаяся, на седьмом небе от счастья. Лёлька и не догадывалась, что так соскучилась по ним.

Мама и папа, обычно сдержанные в выражении своих чувств, в этот раз не скрывали слёз радости, обнимая и целуя её.

– Лёлька, как же ты выросла! – удивилась мама.

– Уже не пацанка, а невеста на выданье! – подхватил отец.

– Мои женихи ещё не подросли! – засмеялась Лёлька. – Пока они подрастут, я поеду учиться.

– Слышали – слышали уже! В Москву собралась ехать? – спросил отец.

– Да. Мы с Марой поедem, подругой.

– А где там жить собираетесь?

– Мара у своих родных, я – у наших. Ты же, мама, говорила, что там живёт дядя Паша.

– Дядя Паша живёт не в самой Москве, а в рабочем посёлке около Москвы. Это далеко. Ты что, собираешься каждый день ездить туда и обратно? И времени будет много уходить, и денег на поездки придётся много тратить.

– Так, может, если поступим, нам общежитие дадут?!

– Если бы да кабы, выросли бы во рту грибы! – сказал отец. – Поеду-ка я вместе с вами. У меня там живут друзья – сослуживцы. Глядишь, что-то и получится с жильём.

– Лёлька, а ты помнишь, какой сегодня день? – вдруг спросила мама.

– Какой? Самый лучший, потому что вы, наконец-то, приехали! А если бы ещё и баба Груня приехала, я была бы самая счастливая на свете!

– Так баба Груня приехала, и баба Фрося – тоже. Они в доме прилегли отдохнуть с дороги, – притомились. Ты пока не беспокой их – пускай малость подремлют.

Лёлька аж подпрыгнула от такой новости. В восторге снова ухватила мальчишек и закружила с ними волчком.

– Угомонись, чадуношка! Число-то, нынче, какое? – оставила её мама.

– Ой! И правда, – совсем забыла! Сегодня же у меня день рождения! – прижав ладони к зардевшимся щекам, спохватилась Лёлька.

– Ну, слава Богу, вспомнила! Мы с отцом решили: надо бы к твоему рождению подгадать приехать. Вдруг укажишь куда? – Свищи ветра в поле... – погрустнев, сказала мама.

– Вы надолго приехали? В отпуск?

– Нет, не в отпуск. Меня с военной службы списали по здоровью, – ответил отец. – Пока здесь поживём, а там – видно будет. Снимем для жилья дом, а потом, глядишь, или купим, или сами построим новый. Как построим, будем жить – поживать, добра наживать.

– Ай, да сказочник! – усмехнулась мама. – Тараканы, вошки, да на кошках блошки – вот и всё наше богатство всегда было.

– Не грехи, Дуня! Куда нам с тобой это богатство? Мы же полстраны исколесили, переезжая с места на место. В дорогу много не возьмёшь, и в тряпках ли счастье? А голому даже проще: подпоясался – и дальше топай, в путь – дорогу. Но руки-то всегда при мне были?! Где бы ни жили, везде обустроивались, хозяйством каким – никаким обзаводились. Грех, Евдокия Пантелеевна, жаловаться!

– Господь с тобой, Яша! Я не жалею! Просто мне смешно стало от твоего «добра наживать». Ты, конечно, прав: на

что оно – богатство? Будешь трястись над ним, а его – раз, и отымуть, как у моих родителей. Да у них и богатства-то никогда не было! Только самое малое, что для жизни нужно.

– Ну, будет тебе, Дуня! Разошлась! Ни к чему эти разговоры! Незачем впустую воздух сотрясать, ничего уже не исправить. Такими мыслями и словами только хуже сделаешь себе и детям. Лучше стол поживее накрывайте, все давно проголодались.

Прибежала с трудовой отработки сестра Люба, всплеснула руками:

– Ой, сколько гостей у нас! Дядя Яша, тётя Дуня, с приездом!

– Любаня! – раздался звонкий голос вышедшей из дома тёти Гани. – Пришла? Нарви-ка огурцов, луку, помидор! Вымой и на стол принеси!

Гриша с Виталиком кинулись помогать Любе, но больше мешали, путаясь под ногами. Она, однако, не сердилась на них. Хотя командным голосом временами останавливала их излишнее рвение, результатом которого были потоптанные грядки.

Тётя Ганя выставила на стол свежеиспечённый хлеб, печёную картошку и долму в чугунках. Получился настоящий пир, хотя бы потому что на столе было мясо. А его здесь давно не едали.

Проснулись и вышли из дома бабушки. Лёлька бросилась к ним с объятьями. Баба Груня, обнимая её, восхищалась и

удивлялась:

– Лёлька! Тебя совсем не узнать! Косы-то, косы какие длиннущи да толстющи выросли! А сама-то вымахала – выше отца свово! Ну-кось, встань рядышком с ним, примерься!

– Да, нет, баба Груня! – смущённо отвечала Лёлька. – Пока ещё не доросла до папы!

– Да уж! Подросла, так подросла! Не узнать. Трудно будет тебе жениха сыскать, чтобы выше тебя был! Теперь видно: ты, ясное дело, отцовской породы, не материной. У нас в породе нет таких высоких, – обнимая Лёльку, любовно ворчала баба Фрося.

– Это я-то высокая? Вы не видели мою подружку Мару. Она почти на голову выше меня! Я рядом с ней – мелкота.

– Беги уж за ней! Не то сейчас приступим к празднику без вас.

– Я мигом! – Лёлька босиком помчалась за калитку.

– Как ветром сдуло! – сказала баба Груня.

Все, улыбаясь, переглянулись. Стали усаживаться вокруг стола, а вскоре подросли и Лёлька с Марой, а за ними в калитке появился и дядя Митя.

– Ого-го, сколько гостей у нас! – с ходу воскликнул он. – С приездом, Яков, Евдокия Пантелеевна!

Умывшись, подсел к столу.

Лёльку все стали поздравлять: обнимали, тормошили, желали крепкого здоровья, хорошего жениха, а дядя Митя пытался даже за уши подтянуть, желая ей ещё подрасти. Она

раскраснелась и от смущения и от ощущения счастья.

Ужин продолжился песнями: то грустными, то весёлыми – всё вперемешку. Пели свои, стародавние, певаемые из поколения в поколение, песни донских казаков, запорожских, и ещё неведомо откуда пришедших в эти края. Полюбившиеся песни знали и пели от мала до велика, вкладывая в них свою душу.

Едва заканчивалась грустная застольная песня, тётя Ганя заводила озорную плясовую:

– Не могу я встать,
Коню воды дать ...
Вечер позен, босы ножки,
Я ходила по дорожке,
Ноженьки болять,
Ноженьки болять ...

Праздник закончился поздно. Напелись, наплясались до-сыта. Так, что ночью спали как убитые: кто в доме, кто – во дворе. Лёлька с Любой спали во дворе, на топчане, застланном тюфяком, набитым сеном нынешнего лета. Утром девочкам просыпаться не хотелось, но мама с тётей Ганей, вставшие раным – рано, уже испекли хлеб, отварили картош-ки, и, волей – неволей им пришлось вставать. Лёльку отпра-вили к знакомым за молоком, а Люба должна была идти в школу на отработку. Дядя Митя уже ушёл на работу, на кон-сервный завод, а Лёлкин папа, тоже собиравшийся уходить, присел с Любой позавтракать.

Допивая кружку молока, принесённого Лёлькой, Яков Петрович сказал ей:

– Коли ты всерьёз надумала ехать учиться, то всерьёз и готовься, балдыки не сшибай! Не теряй времени на пустое.

– А ты далёко? – спросила она.

– В разведку по обустройству с жильём и работой. Не век же нам жить у тёти Гани. Довольно и того, что ты у них давно живёшь.

День, как и предыдущие, обещался быть таким же солнечным и жарким, но утро пока что одновременно и бодрило, и ласкало своей прохладой. В соседних дворах время от времени слышалась запоздалая переключка петухов. Тёти Ганин петух, задира и забияка, которого запросто можно было держать вместо собаки, и любивший с катуха встречать утро своим голосистым «ку-ка-ре-ку!», уже давно пропел, и теперь, пользуясь недосмотром хозяев, бродил со своим гаремом кур по двору и огороду.

Собака Чайка в жару пряталась в будке, но по ночам и в утренние часы она, как настоящий сторож, лежала и бродила рядом с ней, позвякивая цепью. Она строго следила за порядком: прогоняла со двора чужих петухов и котов. Вот и теперь Чайка сначала ворчливо рычала на кур, клюющих остатки крошек из её миски, а потом взялась лаять, пытаясь прогнать кур от калитки, ведущей в огород.

Тётя Ганя спохватилась:

– Батюшки! Забыла кур загнать в клеть! Лёлька, помогай

– лови! Не то повыклюют, чего не надо!

Лёлька, посыпая дорожку со двора до клетки крошками хлеба, стала звать:

– Цып-цып-цып!

Часть кур удалось заманить, остальных пришлось выгнать с огорода во двор, и там начинать всё сначала. Помогать ей в этом взялись все: и проснувшиеся мальчишки, и вышедшие на переполох бабушки, и мама, и тётя Ганя. Все смеялись, глядя друг на друга: в пухе и перьях были и волосы, и одежда.

– Ну вот: хочешь – не хочешь, придётся купаться! – отфыркивая пух, сказала Лёлька.

– За чем дело стало? Залезай под душ, сразу полегчает! – посоветовала мама.

– Я лучше с Марой на озеро сбегаяю – там искупнёмся, а тут в бочку воды ещё надо принести, да пока она нагреется, ждать долго.

– Ладно, сбегаете к озеру. Но воды сейчас ты всё равно принеси! Мы тоже скупнёмся.

Лёлька подхватила вёдра, коромысло и помчалась к колодезю – журавелю, что был недалеко от дома.

Набрав полные вёдра чистойшей ледяной воды, понемногу отлила обратно в колодезь, чтобы по дороге не расплескать. Во дворе её встретила тётя Ганя, забрала вёдра. Оставив одно ведро внизу, со вторым стала подниматься по лестнице к бочке, окликнув Лёльку:

– Лёлька, другое ведро сейчас мне подашь, абы за ним не спускаться!

Лёлька подошла. Тётя Ганя стала переливать воду – бочка оказалась полной. Ледяной водопад хлынул вниз на Лёльку, окатив её с головы до ног. Та отпрянула, но было уже поздно.

– Вот тебе и душ! – вытирая от смеха слёзы, сказала мама. – Не придётся бежать на озеро.

Тётя Ганя, поджимая живот от смеха, еле спустилась с лешенки.

– Это Митрия работа. Когда только он успел? Налил полную бочку и ничего не сказал.

Лёлька, тоже смеясь, убежала в дом переодеться. Ребячтня – то один, то другой, резвясь, стали клянчить:

– И меня, и меня надо полить водой!

Тётя Ганя окатила их. Мальчонки с визгом разбежались в стороны.

– Ой-ой-ой! Холодно!

– Просили? – Получили! Ничего, утренний душ на пользу! Здоровше будете! – смеясь, ответила тётя Ганя.

Лёлька, переодевшись, засела за учебники.

Неделя пролетела как один день. За хлопотами по обустройству на новом месте, в небольшом домишке, снятом Яковом Петровичем, незаметно подошло время отъезда в Москву.

На вокзале Лёльку, Мару и Якова Петровича провожали всем миром: собрались, кажется, все родственники обеих девочек. Было шумно, весело, несмотря на неожиданно хлынувший ливень с ослепительными молниями и оглушающим громом. Это была первая гроза после двух месяцев солнцепёка. Все радовались долгожданному дождю, как манне небесной.

А девочки то смеялись, то плакали: наверное, оттого что не знали, насколько надолго они уезжают, и что ждёт их впереди.

Глава 2

«Здравствуйте, дорогие папа, мама и Виталик!», – Лёлька, закашлявшись, отодвинула лист бумаги. Успокоившись после приступа кашля, продолжила: «Как вы поживаете? Как ваше здоровье? Какие успехи у Виталика в школе? Как там тётя Ганя с дядей Митей? Что нового на хуторе? Передавайте всем – всем от меня привет и поклон. Я теперь живу вместе с Марой у её тёти Капы. С прежней квартиры, где меня папа устроил, пришлось уйти, так как хозяйку, Екатерину Алексеевну, арестовали. Я в тот день была с утра на работе, и моя тёплая одежда осталась в квартире. Хорошо хоть документы были у меня с собой. Екатерина Алексеевна хорошая, добрая женщина, не понимаю, за что её забрали. Она говорила, что ждёт мужа, которого увезли ещё весной. Екатерина Алексеевна считала это ошибкой, и всё ждала его возвращения. А за несколько дней до ареста её уволили с работы. Она сразу вся поникла и сказала мне, чтобы я поскорее нашла себе другую квартиру на всякий случай. Сказала, как бы моё проживание у неё не навредило мне. Но я почему-то не поторопилась, и теперь осталась ни с чем. Пока я хожу в тёплой кофте, но, всё-таки, успела простыть. А зима-то на носу. Но вы не беспокойтесь – я ведь работаю на заводе, и зарплата у меня хорошая, значит, скоро смогу купить себе пальто. До свидания! Целую и обнимаю всех крепко – ваша Лёлька».

Лёлька снова закашлялась, отложила в сторону письмо, задумалась. Перечитала написанное. «Что же я делаю?» Спешно порвала письмо на мелкие кусочки.

«Здравствуйте, дорогие мама, папа и Виталик! – начала она новое письмо. – Как вы там поживаете? Какое у вас здоровье? Какие успехи у Виталика в школе? Что нового у наших родных? Передавайте всем – всем большой привет и поклон!

У меня всё хорошо. Я живу теперь вместе с Марой у её тёти Капы. Учиться на рабфаке и работать на заводе успеваю. Тяжеловато иногда бывает, но никуда не денешься, надо. Если бы мы закончили десять классов, то можно было бы сразу учиться в институте и получать стипендию. Но с нашими девятью классами можно только на рабфак. Спасибо Екатерине Алексеевне – она помогла устроиться работать на завод. Без устройства на работу нас бы и туда не взяли бы. Но, так как мы с Марой учимся, то у нас с ней сокращённый рабочий день. Работаем мы упаковщицами. Работа несложная, но однообразная. Зарплата сдельная – сколько сделаем, столько и получим. После вечерних занятий на факультете успеваем сходить когда в кино, когда на концерт, в театр. Недавно были в Большом театре, смотрели оперу. Там пел Сергей Лемешев. Ой, как здорово он поёт! Аж дух захватывает как красиво! Он невысокого роста, но голос – чудо! Заканчиваю писать. Надо ещё успеть уроки к завтрашнему дню подготовить. Целую вас крепко – крепко – ваша Лёлька. Привет вам

от Мары и тётки Капы! До свидания! Скучаю по вас до ужаса!»

Удовлетворённая новым содержанием письма, Лёлька сложила листочек пополам и вложила в конверт. Теперь можно было подумать, как вернуть свои вещи из прежней квартиры. Конечно, квартира теперь под присмотром участкового, и ключи у него. Но связываться с ним совсем не хочется. Надо что-то придумать. С Марой надо посоветоваться. Может быть, сходить на квартиру и на месте посмотреть, что можно сделать? Мара сейчас в институте, готовится к завтрашним занятиям. Сегодня воскресенье и они с Марой в свой выходной день занимаются в институтской библиотеке. Лёльке нравится там, но сегодня она опять осталась дома из-за своего кашля, чтобы не мешать соседям по читальному залу.

В ожидании подруги Лёлька взялась за подготовку к урокам. Но мысль об одежде не давала ей сосредоточиться. Отставив подготовку, она собралась идти в институт, надеясь застать Мару в читальном зале.

На выходе из квартиры кликнула охрипшим от простуды голосом:

– Капитолина Сергеевна!

– Аиньки! – отозвалась та. – Лёлька, сколько раз тебе говорить – тётка Капа я. Поняла?

– Поняла, тётка Капа! Я пошла в институт, вернусь с Марой нескоро.

– Хорошо, душа моя! Храни вас Господь! Когда вернёшься, стукните в окошко. Я прилягу вздремнуть. Что-то я нынче приуслала.

Лёлька знала, что тётя Капа была мастерицей – надомницей. Она шила шапки, шляпы, и рабочий день у неё зависел от количества заказов. Застегнув плотнее кофту, Лёлька шагнула за порог в прохладный осенний день, переступивший полдень. «Хорошо хоть дождя нет», – съёжилась она и ускорила шаг, а затем и побежала лёгкой трусой, энергично работая руками.

Прибежала в институт разгорячённая, с поднявшимся настроением. По пути скинула письмо в почтовый ящик, отчего на душе стало легче. Мара из института ещё не ушла и очень удивилась Лёльке:

– Ты откуда такая красивая? Раскраснелась, что маков цвет!

– Раскраснеешься тут! На улице колотун – вот и пришлось сдавать норму ГТО! У тебя ещё много подготовки? Мне нужен твой совет и помощь.

– Присядь. Подожди немного, я закончу писать, а остальное – потом.

– Дописывай, не спеши. Я в вестибюле подожду тебя.

В вестибюле Лёлька присела на диванчик. Только теперь она обратила внимание на то, как здесь всё было красиво: колонны с лепными пилястрами, узорный мозаичный паркет, резные диванчики. Лёлька представила, что раньше это был

дворец какого-то царского вельможи. На миг она прикрыла глаза: дамы в шикарных платьях с картин Третьяковской галереи, где они с Марой успели побывать, скользят по паркету с лёгким, едва слышимым шелестом нарядов ... Её опачнул приятный цветочный аромат ... Она вздрогнула и открыла глаза. Рядом стояла Мара.

– Ты уснула, что ли? Зову – зову тебя ...

– Похоже, да. Мне привиделось, как здесь гуляют или танцуют дамы с кавалерами. Дамы в старинных платьях. Такие красивые – с ума можно сойти!

Оглядев себя и подружку, Лёлька тяжело вздохнула:

– Не то что мы ... Где уж нам уж! Поможешь мне забрать хотя бы мои вещи со старой квартиры?

– Что за вопрос? Говори, что делать?

– Поехали со мной на ту квартиру! А там посмотрим как быть.

– Конечно, поехали!

От института они направились к трамвайной остановке. Ехали долго. Уже в сумерках добрались до места. На подходе к дому Лёлька воскликнула:

– Ого! Кажется, нам повезло! Хозяйку, наверное, отпустили и она вернулась домой. Видишь свет на первом этаже? Это её комната.

– Не спеши! Вдруг там воры?

– Скажешь тоже! Такого не может быть. У неё и брать-то нечего.

– Кто ищет, тот всегда найдёт!

– Давай посмотрим в окошко – кто там?

– Давай!

Дом был старый, вокруг него заросли жасмина, акации, шиповника. Близко к окнам не подобраться. Но напротив окон за тротуаром – старый клён, ветви которого раскидисто изогнулись под тяжестью кроны в сторону дома. Девочки взобрались на него. С высоты, оказалось, можно было спокойно рассмотреть поверх занавесок всё, что находилось в комнате. Там они увидели какого-то молодого парня, который как будто чего-то искал. Приглядевшись, Лёлька, тихо присвистнув, ахнула:

– Ты посмотри-ка! Это же Санька! Сосед! Чего это он лазит по шуркалам, как по своим?

– Чего – чего! Стырить, наверное, хочет, что больше глянется! – прошептала Мара.

– Пойдём скорей туда! Позовём соседку, и пусть он при ней ответит – чего ему там понадобилось! – запальчиво сказала Лёлька.

– Тише ты! Подожди, есть идея! Может, сначала его «застукать», он, конечно, будет отпираться, и под шумок ты заберёшь свои вещички. А станет скандалить – позовём соседку. Если всё будет тихо, уйдём без лишнего шума.

– Хорошо. Уговорила.

Спустившись с клёна, девочки пошли в подъезд. Звонить в квартиру не пришлось. Дверь была просто прикрыта.

– Чщ-щ-щ ...! – шукнула Лёлька Марю.

Они тихо прошли в комнату. Сосед спокойно рылся в вещах хозяев, не замечая присутствия девочек.

– Чего потерял в чужой комнате? Помощь требуется? – спросила Лёлька.

Вздрогнув от неожиданности, он медленно повернулся.

– А-а-а! Это ты, Лёлька! За вещами пришла? Они на сундуке лежат вместе с чемоданом. Забирай, пока не поздно!

– Что значит «пока не поздно»?

– Поздно будет, когда их заберёт участковый.

– А ты чего тут делаешь?

– Подбираю вещицы, какие можно продать. А то он сюда собрался поселить каких-то своих родичей.

– А хозяева вернутся, где будут жить?

– Нет..., не вернутся. Никифорыч сказал, что им теперь хана.

– Я-то свои вещи заберу, но отдай-ка мне и кое-какие вещи хозяев. Я думаю, они всё-таки вернутся. И одежда, и фотографии, и книжки какие-то им будут нужны, так что дай их мне на сохранение!

– Забирай, чего хочешь! Жалко, чё-ли! Может, и правда – вернутся. А то я у себя чё-нибудь спрячу до их возвращения – хорошие они люди были.

– Не были, а есть. Они ещё придут сюда, – уверенно сказала Лёлька.

Вместе с Марой они стали подбирать всё, что может при-

годиться хозяевам. Набралось многовато.

– Лёлька! Вам всё не увезти сейчас. Пусть пока у меня полежит чё-нибудь, – сказал Санька, складывая вещи в один угол.

– А ты не пропьёшь? – пошутила Лёлька.

– Зря ты так! Выпить-то я люблю, но понятие и совесть ещё не пропил.

– Дай-то Бог! Ладно, отнеси к себе посуду и обувь. Да, ещё зимние пальто!

Санька понёс пальто и обувь, а Мара – кастрюли, сковородку и керосинку. В комнате Саньки из мебели были железная кровать, табурет и вешалка на стене в виде гвоздей, прибитых к доске. Мара присвистнула:

– Где же у тебя всё это хранить? Ни шкапа, ни стола. Хоть шаром покати!... Давай к тебе хотя бы стол принесём и стулья!

– А что? Давай!

Вместе они перенесли стол, два стула и чемодан, в который сложили пальто и обувь. Чемодан засунули под кровать.

Было за полночь, когда девочки спохватились, что пора возвращаться уже ушла. Транспорт так поздно не ходил, а добираться пешком было далековато и небезопасно.

– Ну, что ж! Придётся сегодня заночевать здесь, – сказала Лёлька.

– Тётя Капа будет нас ждать и переживать, куда мы пропали, – расстроилась Мара. – Надо как-то бы сообщить ей,

чтобы не беспокоилась.

– Вообще-то я сказала ей, что мы можем задержаться.

– Задержаться, но всё же вернуться сегодня.

– А у неё телефон есть? – спросил Санька.

– Конечно, – нет. Она же не директор завода или магазина! Стой! Вспомнила. У неё в соседях на третьем этаже живёт большая шишка – завбазой. Правда, не знаю – какой. Фамилия у него какая-то птичья ...

– Сорокин?

– Нет.

– Воронов?

– Нет

– Орлов?

– Нет. Да как же? Как же? Крутится на языке, а никак не вспомню ...

– Курицын?

– Вот! Вспомнила, – Кукушкин!

– Ну и ну! Чуть не всех птиц перебрали! – хмыкнул Санька. – Идите, звоните! Телефонная будка есть у соседнего дома со стороны улицы. А как звонить, знаете?

– Нет.

– У телефонистки спросите!

– Спасибо, Сань!

– Чего уж там! Не за чего! Только завтра встаньте пораньше и уезжайте скорее! Не то Никифорыч придёт ненароком, и не даст вам ходу. Он мужик хитрован! Своё не упустит!

Мне кажется, это он подстроил так, чтобы соседей арестовали! Ему нужна была комната для своих родственничков. Только я вам ничё не говорил! Поняли?

– Да, Сань. Будь спокоен. Мы с тобой друг друга не видели, и ничего не слышали. Пока!

Девчата стали одеваться. Лёлька надела своё осеннее пальто.

– Тепло-то как! Теперь мне не страшен серый волк! – тихонько воскликнула она.

– Завтра вернёмся домой, надо будет полечить тебя. Вон как бухаешь! Отварим картошки, и ты подышишь над паром. Устроим тебе завтра баньку!

– Ой! С удовольствием! Так надоело уже кашлять – всё внутри надорвала!

Закрыв комнату, квартиру, они вышли из подъезда и окунулись в холодную, промозглую темноту осенней непроглядной ночи. Лишь тусклый свет, пробивающийся в щели зашторенных окон редких полуночников, говорил о бьющемся сердце города. Дальний фонарь на улице не освещал дорогу, а лишь служил ориентиром – в какую сторону идти к улице.

Они шли осторожно, помня о том, что из-за строящегося рядом нового дома, вся земля в сплошных колдобинах. А кроме этого везде разбросан был строительный мусор, а то и стройматериалы. Наконец, хоть и с чертыханьями, девочки добрались до телефонной будки. Трубку аппарата взяла Мара. На другом конце провода женщина попросила назвать

номер телефона, с кем соединить.

– Девушка, я не знаю номера. А по фамилии человека найдёте номер? – спросила Мара.

– Да. Назовите фамилию, имя, отчество.

– Кукушкин Осип Захарович.

– Сейчас соединю, – ответила телефонистка.

В трубке послышался треск, затем мужской голос с сонной хрипотцой произнёс:

– Алё! Кукушкин у телефона.

– Осип Захарович, извините за беспокойство! Я – племянница Вашей соседки с первого этажа. Не могли бы Вы передать ей, что я сегодня осталась ночевать у подружки! Завтра я ей всё объясню! Передайте, пожалуйста, чтобы она не беспокоилась! Очень прошу!

– А раньше ты, девочка, не могла позвонить? Чёрт знает что такое! Приличные люди не звонят по ночам!

– Извините, пожалуйста, так вышло! Я думала, что успею до ночи вернуться.

– Чёрт знает что такое! Теперь до утра не усну! Схожу сейчас! Назови ещё раз её имя – отчество и номер квартиры!

Мара назвала.

– Запомнил, – сказал он и положил трубку.

Мара тоже повесила трубку.

– Ой, как стыдно! – сказала она. – Надо было раньше позвонить. Рассердился сосед.

– Ну, ничего страшного. Ты что, каждый день названива-

ешь? Был бы у тётки Капы телефон, позвонили бы сразу ей.

– Да он, наверное, уже устал от звонков. Представь: ты обедаешь или спишь, а тебе то и дело звонят. И нет тебе никакой возможности нормально поесть и поспать. Я удивляюсь, как это он ещё спокойно отвечал. Другой на его месте послал бы меня подальше и бросил трубку.

– Значит, воспитанный человек. Или телефон у него не так давно. Не успел научиться посылать ...

За смехом и разговорами они шли, не замечая кочек, мусора и прочих преград, напрямки к подъезду своего дома, и, к своему удивлению, ни разу не споткнулись.

Уже в комнате вспомнили, что с утра ничего не ели. Спихватились – чайник и остальную утварь отдали соседу. Им вдруг так сильно захотелось чего-нибудь поесть, что они заново стали осматривать буфет в поисках съестного. И, ура! – нашли несколько завалившихся сухариков. Лёлька на кухне набрала в чей-то кувшин воды, и они, наконец, утолили голодные желудки.

Сон их был недолгим. Чуть свет их разбудил сосед. Он сначала осторожно постучал в дверь, но, не услышав никакого движения, громыхнул в дверь ногой. Девочки, перепуганные, соскочили и торопливо стали одеваться.

– Проснулись? – тихо спросил из-за двери Санька.

– Да! – одновременно ответили они.

Санька, успокоенный, шаркая, поплёлся к себе.

Девчата ещё раз осмотрели вещи, прикидывая, что ещё

можно оставить у Саньки хотя бы на время. Решили попросить его подержать у себя часть книг, так как ноша оказалась тяжеловатой.

Сосед согласился, но предупредил, чтобы они забрали «макулатуру» не позднее воскресенья, иначе он найдёт ей применение.

– Сань! Какая же это макулатура? Таких книжек ты больше нигде не найдёшь! Не вздумай продавать их! Лучше сам почитай!

– Ладно – ладно, не продам! Но я вас предупредил.

Девочки уехали к тёте с тяжёлым багажом в руках и беспокойным сердцем.

– Жалко будет, если Санька оприходует книжки, – сказала Мара.

– Надо завтра же, ну в крайнем, послезавтра, вернуться за ними, – поддержала Лёлька. – Надеяться на Саньку – всё равно, что на дождикек в ясный день.

Тётя Капа встретила девочек горячими пышными оладьями. С аппетитом уплетая их, они наперебой рассказывали ей о своём путешествии.

Тёте Капе было немногим более сорока лет. Пышные формы придавали ей солидности, но душой она была девочкам ровесницей, и общалась с ними на равных, лишь иногда проявляя большую осведомлённость в житейских делах. Через своих клиентов и клиенток она была в курсе почти всех событий города, знала многих людей. Слушая рассказ девочек,

она вдруг разволновалась и, наконец, спросила:

– Сколько хозяев проживает в квартире?

– Квартира на трёх хозяев. В третьей комнате живёт старушка «божий одуванчик». Так зовёт её Санька. Когда-то вся квартира целиком, принадлежала ей. После революции её «уплотнили», оставив той только одну комнату. И теперь она редко выходит из неё. Вроде как боится, что и эту комнату отберут. На улицу выходит только за продуктами. Представьте себе, тётя Капа: вся из себя такая важная, хоть и маленького роста, худенькая, щупленькая, покрашенная – на помаженную, в фетровой шляпке с вуалью на пол-лица, как будто она идёт на свидание или в театр.

– Ой, девочки! Я, кажется, знаю, что это за мадам! – воскликнула тётя Капа. – Её не Аркадией Львовной зовут?

– Кажется, так ... Но я в этом не совсем уверена, – ответила Лёлька. – Я её редко видела, и о том, что она была раньше хозяйкой квартиры, мне рассказала Екатерина Алексеевна, у которой я жила.

– Девочки! Больше туда ни ногой!

– Как? Там у Саньки надо ещё книжки забрать, пока он не пустил их по ветру.

– Вы слышите меня? Ни ногой! В том, что твоя хозяйка и её муж оказались в тюрьме, вполне может быть заслугой этой старушки. Раньше она работала на полицию. И теперь, наверняка, продолжает кляузничать. А, может, ей снова захотелось освободить квартиру? Это она с виду «божий оду-

ванчик»! А на самом деле – хитрая змеюка!

– Жалко книжки, – погрустнела Лёлька.

– А себя не жалко? Вы учиться приехали? Вот и учитесь!

Не ищите путь на небеса!

– Причём тут небеса?

– А при том, что кого забирают – не возвращаются назад.

Я слышала от одной знакомой, что недавно арестовали её подругу за то, что та поселила у себя бывшего мужа, который был поэтом. А ещё говорят, что этого поэта расстреляли.

– За что?

– За то, что стишки ёрные сочинял.

– Разве за это сажают? Расстреливают? Неправда всё это.

Враньё.

– Никакое не враньё. Ещё как сажают. Сейчас, я слышала, многих сажают. И, особенно, поэтов. Говорят, будто бы они против Советской власти. Вот то, что они против – как раз враньё. Эдакое можно наговорить хоть про кого, даже про нас с вами. Так что вы, девчоночки, на ту квартиру больше не суйтесь! Чёрт с ними, с книжками! Себя поберегите!

– А как фамилия поэта, которого арестовали?

– Мне называли, только я точно не могу сказать. Помню только, что смешная такая фамилия, навроде прозвища у псов. «Блудливый», что ли?

– А-а-а, есть такой поэт Иван Приблудный, – вспомнила Лёлька. – Это его псевдоним, а на самом деле он Яков Овчаренко.

– Вот-вот. Верно. Так мне его называли.

– Мой папа был знаком с ним по службе. Папа называл его «мой тёзка». Это в дивизии ему дали прозвище «Приблудный», так как он прибился к ним от бродячих циркачей. «Тёзка» был тогда ещё совсем мальчишкой. Развлекал всех фокусами, читал свои стишки, пел украинские песни, свои. Одну его песню пел для меня мой папа. Песенка шутейная, для детей, про деда с бородой.

– Ну-ка, спой!

Лёлька спела.

– Забавная песенка! Детишек развлекать в самый раз! Но учти: если человека посадили, могут и стихи его запретить.

– Как это? Разве можно запретить хорошие стихи, песни? Их всё равно все знают, – удивилась Лёлька. – Они от человека к человеку дорогу найдут.

– Дорогу находят и ёрные стихи – к слову. Вы, наверное, знаете, что запретили читать стихи Есенина?

– Слыхали.

– Мало того, посадили и многих его друзей – поэтов.

– А ведь Приблудный был другом Есенина, – вспомнила Лёлька.

– В самом деле? – спросила Мара.

– Да. Папа говорил.

– Эх! Сколько же тайных врагов у нас?! Будьте осторожнее с незнакомыми людьми! Не говорите с кем ни попадя об этих поэтах, не читайте чужим их стихов! И от «божьего

одуванчика» держитесь подальше. Она вас там, случаем, не видела? – спросила тётя Капа.

– Кажется, нет. Пока не припомню, чтобы она выходила в коридор, – призадумавшись, сказала Лёлька.

– Дай-то, Бог! – перекрестилась тётя Капа. – Спаси и сохрани! Господи, убереги девчоночек от врагов и кляузников!

– Ну чего ты взялась причитать, тётя Капа? – всколыхнулась Мара. – Не так уж и много на свете этих злыдней! Всё же больше хороших людей! А книги нынче – наш самый лучший хлеб. Куда мы без них? Надо только придумать, как их забрать у Саньки так, чтобы не повстречаться с «одуванчиком».

– Ой-ой-ой! Мара! Ну, что вы такое придумаете? Вы ничего и не заметите, как она выследит вас, подслушает и доложит, куда надо. Всё, что было и не было распишет как картинку. Глупенькие! Вам ли тягаться с ней? У неё столько опыта в этом деле, что куда вам до неё!

– Ладно, тётя Капа, – не волнуйтесь! Никуда мы не будем соваться. Бог с ними, с этими книжками! В институтской библиотеке будем читать. Просто мне хотелось сохранить книжки для моей бывшей хозяйки. Ну что ж, отдам ей те, которые мы привезли сюда.

– Вот и, слава Богу! Я ведь о вас беспокоюсь! Покажите хоть, что вы привезли! Может, и я что-нибудь почитаю.

– Сейчас посмотрим, – сказала Лёлька, и они стали перебирать привезённые книги.

Тётя Капа взяла в руки книжку, прочитала вслух:

– Овод. Интересная?

– Очень.

– Я возьму её почитать?

– Тебе будет тяжело её читать, – сказала Мара. – Возь-

ми лучше вот эту – о приключениях человека, попавшего на необитаемый остров, о Робинзоне Крузо.

– Интересная?

– Не оторвёшься!

– Всё. Я пошла читать.

– Ой! – воскликнула Лёлька. – Вот здорово! Посмотрите: сборник стихов. И, знаете, чей? – Ивана Приблудного! «Тополь на камне»! Чур, я первая читаю!

– Ну-ка, ну-ка, покажи! Ой, да он тоненький такой! Ты быстро его прочтёшь! – сказала Мара. – А я пока возьму «Отверженные». Давно хотелось перечитать её.

– погоди! А вот и стихи Есенина, Блока, Клюева! Вот кого надо почитать в первую очередь!

– Только никому не говорите об этих книгах! – встревоженно сказала тётя Капа.

– Мы это поняли. Не сомневайся – никто об этом не узнает! – убедительно сказала Мара.

За чередой дней, протекающих в учёбе, домашних хлопотах, незаметно приблизился Новый год. Жизнь текла ти-

хо, размеренно, без каких-либо потрясений, переживаний. Единственное, что беспокоило Лёльку – затянувшийся кашель. Тётя Капа не раз и не два предлагала ей сходить к знакомому, очень хорошему врачу. К нему она иногда обращалась за помощью через свою постоянную клиентку – его жену, которую называла «профессоршей». Лёлька каждый раз отказывалась, стесняясь показываться доктору – мужчине. Правда, ей об этом она не говорила, а придумывала всё новые способы лечения. Наконец, тётя Капа пригрозила Лёльке:

– Готовься! Завтра поведу тебя к доктору. Я уже договорилась с ним.

– Тётя Капа! Послезавтра Новый год! Какой поход к врачу? У него тоже должен быть праздник!

– Праздник у него будет. Послезавтра. А завтра он посмотрит и послушает тебя. И никаких возражений! Хватит заниматься всякими травками! Угробисься, а я потом отвечай за тебя?

– Хорошо. Пойду. Только в больницу не лягу!

– Надо будет, ляжешь как миленькая! Лучше один раз пролечиться, как следует, чтобы потом не болеть.

– Но я тогда отстану от учёбы.

– Не отстанешь! Мара поможет тебе. Так ведь, Мара?

– Конечно, помогу! Нашла о чём беспокоиться! – поддержала тётю подружка.

На следующий день тётя Капа привела Лёльку к доктору

домой. Дверь открыла женщина среднего роста с гладко причёсанными и собранными под заколку, волосами.

– Здравствуйте, Калерия Петровна! – расплылась в улыбке тётя Капа. – Вот, привела нашу красавицу, как и договаривались!

– Здравствуйте – здравствуйте, милочка! – приветливо улыбаясь в ответ, сказала хозяйка. – Проходите! Василий Трофимович ждёт вас.

– Деточка! – обратилась она к Лёльке. – Не надо пугаться, не надо стесняться! Доктор хороший, добрый человек. Он поможет тебе! Главное – нужно довериться ему!

Она проводила Лёльку в кабинет доктора.

– Василий Трофимович! К Вам гостя!

– А-а-а! Наконец-то! Проходите, голубушка, проходите! Смелее! Я совсем не страшный. Даже маленькие дети меня не боятся.

Оробевшая было Лёлька начала обретать уверенность.

– Присаживайтесь, голубушка, вот на этот стульчик, и расскажите поподробнее, на что жалуетесь!

Лёлька вздохнула, собравшись поведать доктору о своей проблеме, но тут же закашлялась. Кашляла долго, с надрывом.

– Ах, вот оно что! – озабоченно нахмурился доктор. – Придётся Вам, голубушка, раздеться по пояс. Я послушаю, что у Вас делается внутри.

После прослушивания он, наконец, вымолвил:

– Ну-с! А теперь рассказывайте, как долго кашляете и чем лечитесь.

Выслушав Лёлькин рассказ, он сказал ей, что для неё наипервейшим лекарством должно стать хорошее, а лучше – усиленное питание, и предложил ей провести курс лечения в его больнице. Там она получит и отличное питание.

– А после больницы Вам надо бы пожить какое-то время в деревне и поддержать себя деревенской едой – с молоком, яйцами, маслом, сметаной, мясом. Вы из деревни приехали? – спросил он.

– Почти что. Из маленького городка. Раньше он был казацкой слободой.

– Вот как? Значит, родственники имеют свою корову?

– Нет. Есть только козы.

– Это ещё лучше. Надо ехать туда восстанавливать здоровье. А завтра, голубушка, милости просим – в больницу!

– Но завтра Новый год! Праздник!

– Ах, да-а-а! Ну и ну! Заработался! О празднике забыл – надо же! Ну, что ж – поздравляю Вас с наступающим Новым годом! А послезавтра – без опозданий, к восьми утра в больницу!

– Но мне надо будет в институте предупредить, что я не смогу посещать занятия по причине болезни.

– Хорошо, Предупреждайте, а потом сразу в больницу. Не затягивайте! А я тем временем приготовлю Вам место.

– Спасибо!

– А в новом году набирайтесь здоровья, и только потом продолжайте учиться! Иначе вся учёба будет не впрок. Кому нужны больные работники? Что-то я такого не слышал.

– Спасибо! И Вам – здоровья! С наступающим Новым годом!

Доктор протянул ей листок с адресом больницы и, объяснив как до неё доехать, добавил:

– Там спросите доктора Василия Трофимовича Кашина.

Лёлька вышла в соседнюю комнату в приподнятом настроении.

– Ну, что доктор сказал? – кинулась к ней тётя Капа.

– Ничего страшного. Новый год отпразднуем дома, а после придётся подлечиться в больнице.

– Вот видишь! Ты больше боялась!

– Ничего я не боялась. Просто не хотелось встречать праздник в больнице.

Дома к празднику купили небольшую ёлку. Украсили её «снегом» из ваты, блёстками от конфетных обёрток, конфетами, снежинками из бумаги, фигурками зверушек, фруктов, вырезанных из картона и разукрашенных девочками. Потом Лёлька взялась рисовать на картоне Деда Мороза с мешком подарков и клюкой. Мара хмыкнула, глядя на рисунок:

– Лёлька, ты зачем нарисовала Деду клюку? Он больной, что ли?

– Он старенький, – ответила Лёлька, – за свою жизнь мно-

го исходил путей – дорог, ему тяжело таскать на себе мешок с подарками! Вон сколько людей на земле – и всем подарки принеси! Не принесёт – урвутся ведь! Так что опора ему нужна.

– Деду Морозу нужен посох, а не клюка! Он на него опирается, а заодно и чудеса творит, желания исполняет. Клюка – помощница Бабы Яги! Эх ты! – засмеялась Мара.

– А-а-а! Вот в чём дело! Исправим ошибочку!

Законченный рисунок Лёлька повесила на видное место на стене.

– Ишь ты, какой Дед Мороз! – восхитилась тётя Капа, пришедшая из кухни. – С полным мешком подарков пожаловал к нам! А что в подарках?

– Наверное, все наши желания, конфеты, печенье. А всё грустное, печальное прошедшему году оставил, – шутливо ответила Мара.

– Надо же, какой молодец! Добрый дедушка, не жадный! – поддержала её тётя Капа. – А я, пока вы украшали ёлку, приготовила вкусность на праздник. Освобождайте-ка стол от мусора и помогайте накрывать праздничный ужин!

– Ура! – воскликнула Мара.

Скоро на столе красовался торт «Наполеон», а вокруг него – фрукты, конфеты, варенье. Потом тётя Капа достала из буфета вино и разлила его по высоким бокалам из тонкого стекла.

– Ну, что же, красулечки – красотулечки вы мои, – улыба-

ьясь, произнесла она. – Наступило время прощания с уходящим годом, давайте достойно проводим его! Был он всяким: приносил и радости и горести, чего было больше – не нам подсчитывать, но он уходит, значит, так тому и быть. Пусть всё нехорошее уйдёт вместе с ним!

Подняв бокалы, они пригубили вино.

Услышав из репродуктора бой курантов, тётя Капа продолжила:

– Вот и закончились последние минуты уходящего года и можно выпить за наступивший Новый год! Пусть этот год приносит нам только радости, пусть Лёлька вылечится и больше никогда не болеет, пусть больше ничто не мешает вам учиться! Будем все здоровы и счастливы! С Новым годом, красульки мои!

– Ура! Ура! Ура! С Новым годом! – чокаясь бокалами, развеселились девочки.

Откушав торт и другие сладости, решили прогуляться по ночной, праздничной Москве. Погода была самая новогодняя: небольшой морозец, и сыплющиеся с небес в плавном хороводе, крупные – крупные снежинки, укрывающие всё вокруг лёгким пуховым покрывалом. А световая новогодняя иллюминация из лампочек Ильича высвечивала снежную карусель и делала всё ещё наряднее.

Мара взялась лепить снежки, но они рассыпались; тогда она, сгребая снег руками, стала швырять его в Лёльку и тётю Капу. Те в ответ вдвоём закидали её снегом. Мара, разгоря-

чѐнная, смеясь, упала в сугроб и закричала:

– Всё – всё! Сдаюсь!

Лѐлька с тѐтей Капой отступили. Мара, набарахтавшись в снегу, сползла с сугроба:

– Так нечестно: вдвоём на одну!

– Ты же первая начала! – отряхивая снег, радостно ответила тѐтя Капа.

Она была так довольна этой неожиданной возможностью окунуться в детство, что её весѐлое настроение невольно заражало и девочек. Вместе они колобродили по улицам чуть не до упада. Вокруг было много людей, так же, как они, весело барахтающихся в снегу. Домой идти не хотелось, но усталость и Лѐлкин кашель всё же погнали их со двора.

Остаток ночи спали как убитые. Праздничным днѐм, ближе к полудню, тѐтя Капа разбудила девочек:

– Сонюшки – сплюшки, хватит спать! Скоро полдень! Проспите всё царство небесное! Посмотрите на улицу: такая красота! Пока мы спали, столько снега насыпало! Все наши ночные следы занесло! На улице – ни души! Все отсыпаются, наверное. Даже кошки ...

– Вот-вот! Кошки спят, а нам не дают поспать, – шуточно проворчала Мара, протирая спросонья глаза. – Глазѐньки-то не хотят ещё просыпаться, – добавила она, потягиваясь с закрытыми глазами.

– Как сбрызну водой – в раз проснутся! – шуточно пригрозила тѐтя Капа поднятым стаканом с водой.

– Ой-ой! Не надо! Мы встаём уже! – подала голос Лёлька, вылезая из-под одеяла.

– То-то, сплюшки! Живенько – умываться, одеваться – и за стол! Завтрак уже на столе вас дожидается!

Лёлька разом соскочила с кровати и убежала умываться.

– Как – на столе? Ну и шустрая ты, тётя Капа! Когда только успела? – заправляя постель, изумилась Мара.

– Разносолов-то нет, а макарены отварить, да сосиски – всего-то делов!

– Ой, как здорово! Я так давно мечтала о сосисках! Ты вместо Деда Мороза исполняешь наши желания! – восхитилась Мара.

Вернувшаяся Лёлька, услышав про сосиски, поддержала:

– Одна мечта сбылась. Вы прямо волшебница, тётя Капа!

– Ещё бы! – хмыкнула та. – Спасибо соседу с третьего этажа! Это он расплатился со мной за пошитую зимнюю шапку. Как видите: моя работа меня всё-таки кормит. Эх! Если бы вы захотели только, я бы научила вас этому делу. Тогда бы мы с вами создали артель по пошиву шапок, шляп. И жили бы, горя не зная...

– А мы и не против. Так ведь, Лёлька?

– Дело-то, конечно, хорошее. Только мне в больницу ложиться надо.

– Больница – это само собой, а потом можно заняться и шапками.

– Ладно. Подлечусь – потом видно будет, – задумавшись,

сказала Лёлька.

В больнице Лёлька повстречала бывшего соседа Саньку. Тот ковылял на костылях в столовую, когда она, не узнав его со спины, направлялась в ту же сторону. Он окликнул её:

– Соседка! Лёлька! Чего проходишь мимо, не поздоровамшись?

– Ой! Санька! Как же я тебя не признала? Ты чего это здесь, да ещё и на костылях?

– Возьми там на меня обед, а я займу стол. Пообедаем вместе, заодно расскажу тебе кой-чего.

Лёлька пошла вперёд, занимать очередь за едой.

Снимая с подноса на стол съестное, она спросила:

– Что же, всё-таки, у тебя с ногами?

– Переломы на обеих ногах, да обморозка.

– Как же это тебя угораздило? Что произошло?

– Так и произошло ... Всё из-за этих книг, что ты оставила мне, – прошептал он. – Хорошо, что ты не приехала за ними. А то бы и тебе досталось! А почему ты не приехала? Обещалась, будто.

– Да я сильно заболела, вот и не смогла приехать. Видишь – до сих пор болею! Дождалась, что в больницу попала.

– Но оно всё же лучше, чем то, что со мной приключилось. После вашего ухода участковый пришёл через день или два. Как увидел, что там много чего пропало, сильно разозлил-

ся и сразу набросился на меня, стал пытаться, куда я дел вещи оттуда. А когда увидел, что и книг нету, совсем сбесился! Уж он орал на меня так, что стены тряслись от страха! А я молчу, как рыба об лёд... Книжки я так припрятал, что ни одна собака не найдёт, не догадается, где они есть. А тут ещё высунулась «Божий одуванчик». Она возьми да и скажи ему, что приходили две девки и забрали книжки с собой. Вот змеюка! Когда она увидела вас? Участковый, зараза, утащил меня в участок, а там он вместе с другим оглоедом стали дубасить меня, всё пытались, что за девки и где они проживают. Ничего не добились. А чего с меня взять, ежели я и взаправду не знаю ничего про вас? Но он всё равно будет искать вас, и тогда плохо дело будет. Лучше уезжайте отсюда, от греха подальше! Меня-то они не только отдубасили, переломали ноги, но и вывезли в лес и бросили там подышать на морозе. Тогда как раз морозы начались. Я уже и не надеялся остаться в живых. Спасибо одному дедке. Это он меня спас. Там недалёко деревня есть, а дедок оттуда поехал в лес за стожком сена да нашёл меня. Как срастутся ноги, поеду, поклонюсь ему. Привёз он меня к себе домой, чаем отпаивал, в баньке отогрел, а потом к ногам палки приладил. Всё легче стало. А через день, другой повёз он меня в город. С тех пор здесь и облечиваюсь.

– Так ты дома у себя ещё не был?

– Что ты! Мне туда сейчас никак нельзя!

– А куда же ты после больницы пойдёшь? Где жить-то бу-

дешь?

– Найду где-нибудь, или в деревню подамся, куда подальше. Да ты не бери в голову: проживу как-нибудь!

– А книги там остались?

– Нет. Я их успел ведь спрятать. Сохраню, не переживай!

– А участковый не приходил сюда, случаем?

– Пока нет. Тьфу – тьфу! – Санька сплюнул через плечо.

– Значит, может ещё прийти. Сань, тебе лучше забыть меня. Пока этот ... не уgomонится.

– Договорились! Бывай здорова!

– Ты тоже выздоравливай скорей!

Они разошлись по палатам, и в дальнейшем, повстречавшись ненароком, здоровались кивком головы.

У тётки Капы до артели дело так и не дошло. Лёлька, выпившись из больницы, по настоянию доктора вскоре уехала в родной город к родителям. Мара продолжала учёбу и помогала тётке Капе шить шапки. Она очень скучала о подруге и едва дождалась лета. Тётя Капа, провожая её на вокзале, тихонько вздыхала, промокая то нос, то глаза.

– Ну вот, и ты уезжаешь ... Как же я буду здесь одна? Я так привыкла к вам, что и не знаю, что за жизнь у меня будет без вас.

– Всё будет хорошо, тётя Капа. Ты и не заметишь, как лето пролетит, и мы с Лёлькой вернёмся, – утешала её Мара.

– Что-то не очень верится. Кажется мне, что этот год с вами был как сон. А сны не всегда повторяются. Но имей в

виду, что я всегда буду ждать вас. Только возвращайтесь, не забывайте меня!

– Куда же мы денемся? Обязательно вернёмся! Не надо так расстраиваться! – обнадёживая, успокаивала её Мара.

Глава 3

Лёлька очень удивила родителей своим приездом в февральскую стужу. Узнав причину возвращения, они расстроились, но Лёлька их успокоила:

– Доктор посоветовал мне усиленно питаться, и особенно налегать на молоко, сметану, яйца.

Мама всплеснула руками:

– Так, где ж мы всё это возьмём? У нас нет ни коровы, ни кур!

– Я сказала доктору, что есть только коза, и он даже обрадовался и сказал, что это ещё лучше. Что козье молоко мне надо пить как лекарство. Так что мне, наверное, придётся ехать к бабушкам на хутор.

– Ну что ж, надо, значит, повезу тебя туда, – ответил отец.

В ближайшие выходные на попутной подводе они отправились на хутор.

Бабушки, уже и не надеявшиеся свидеться с Лёлькой, на радостях исхлопотались, не зная, как и чем угостить, побаловать гостей. Яков Петрович, однако, не загостевался, через пару дней вернулся в город.

Лёлька, как и всегда, остановилась у бабы Груни, не забывая проводить и бабу Фросю. Днём она помогала бабе Груне домовничать, а вечерами, рукодельничая, они вели долгие разговоры о том, о сём.

– Слышно что-нибудь о старших ребятах бабы Фроси? Где они теперь? – спросила как-то Лёлька.

– Ой, не спрашивай, внученька! Бабу Фросю не пытай! От людей я слыхала, отвезли их строить какой-то канал к морю. И оттуда покуда никто не вертался. Правда это али нет, не знаю. Фросе об этом не сказывают, и ты молчи. Авось, обойдётся беда. Чево творить нынешняя власть?... Когда-ни-то все ейные проказы аукнуться. Помяни моё слово. Ничево даром не проходить – ни плохое, ни хорошее... Ещё вертаться всё назад...

К этому разговору они больше не возвращались. Говорили о травах, о настойках, об отварах, как их готовить, как применять при каких болезнях. Лёлька спросила и о вкусном лекарстве, которым бабушка кормит её, и от которого ей становится легче дышать. Баба Груня улыбнулась:

– А-а-а, полегчало? Я это лекарство давно уже применяю. Вот и отцу твоему дала с собой – уже который раз приезжает за ним. Помнишь, как он задыхался прошлым летом? Это у него с войны идёт: на войне он всё время простуженный был, а после Сиваша совсем слёг, в больнице долго лежал. Но, что толку? Всё хуже и хуже ему дышать было. Приступы его замучали – вот ноне и списали совсем со службы. А теперь-то, видала, какой он стал молодец? Настоящий казак! Вот и тебе станеть лучше. Ничего – выправишь-ся! Негоже в девушках болеть! Вот и твоя мама в девушках чахоткой заболела, а богатый жених, за которого её хотели

отдать, как узнал про ейную болезнь, сгинул, и больше не появлялся. А твой отец так полюбил её, что никакая другая не нужна была ему. А как он уговаривал Фросю с Пантелеем отдать за него Дуню – это надо было глядеть и глядеть. Он поклялся – всю жизнь на руках её носить, только б она стала здоровой! Долго ему пришлось уговаривать их – у него ж ни гроша за душой не было. Он же из простых работяг – бедняков, хотя они и были мастерами в плотницком и столярном деле. Могли и мебель какую сделать, и дом построить, и колодезь поставить, и мост через реку – всё могли. Отцов брат Андрей – ты его не знала, он на войне погиб, построил одному богатому дом. Андрей мог укрощать собак, не касаясь их. Собаки от евоного взгляда становились смирные, пришипленные. Лежить такая огромная собачатина на земле, прижмёт уши к спине, и от страха ли, али ещё с чево поскуливает, язык высунутый, а слюна так и течёт из пасти. Ужас! Так вот, Андрей поспорил с хозяином, что зайдёт спокойно в дом, а собака его не тронет. Хозяин повёлся, и они договорились, что, ежели такое случиться, дом достанется Андрею. Так и получилось: Андрей обзавёлся домом. Хозяин рассердился на собаку и хотел её пристрелить, но Андрей не дал ему убить животину. Он обсказал хозяину, в чём дело, и предупредил, чтобы тот не брался спорить с человеком, которого не знает. Порешили они на том: Андрей построил хозяину ещё один дом, но денег за работу не взял.

– А кто же в том доме теперь живёт?

– Твоя тётушка Наташа. Ты бываешь у неё в городе?

– Теперь давно уже не была. Раньше забегала к ней проведать её. Да она всё время на работе.

– Конечно, когда дома никто не ждёт, и идти-то туда не хочется. Она так же в больнице работает?

– Да. Где же ещё? Она, наверное, привыкла к этой работе.

– Просто она очень жалеет людей: когда лежить тяжёлый больной, не у всякого есть родственники, которые поухаживали бы за ним. А она очень сердечная, добрая.

– А почему она одна?

– У неё был жених, она любила его. Как началась война, его забрали воевать, и больше от него не было никаких весточек. Пропал где-то. Жив ли, нет ли – никто не знает. А она, похоже, всё ждёт. Вот ведь как бывает ...

– Баба Груня, а когда лучше жилось? До войны или сейчас?

– Да, кому как ... Твоему отцу, пожалуй, лучше сейчас. Видишь, он с твоей мамой где только не побывал, не поживал. Кабы жили при той власти, он так и остался бы батраком, и ты бы ноне не училась бы аж в самой Москве. А кому-то и хуже: ты же знаешь, что случилось с бабой Фросей и ейными ребятами. По-разному, внученька, людям приходится, не одинаково. Кому-то нравится нова власть, а кто-то супротив неё и бунтует. Да и как не будут бунтовать, когда энта власть столько глупостей и вреда людям делает!

В один из вечеров, когда они, сумерничая, пили чай с

плюшками, кто-то постучал в окно.

– Поди, открой-ка дверь! – попросила баба Груня.

– Бабуль, а что ты не посмотришь, кто там?

– А чево смотреть? Зайдётъ – увидим. Иди – иди, не держи человека на морозе!

Лёлька вышла в сени, отодвинула щеколду, и, приоткрыв дверь, кликнула стоявшего поодаль человека:

– Заходите!

Подошедший мужчина прытко взбежал по крыльцу, и буркнув: «Здорово, Лёлька», быстро прошёл в горницу.

Она не успела ни разглядеть, ни понять, кто же поздоровался с ней. Поздоровавшись вдогонку, проследовала за ним.

– Здорова будь, Кузьминична! – с порога поприветствовал он.

– А, Игнат! И тебе не хворать! Давненько не видались! Не приболел, случаем? Что-то исхудал ты, как я погляжу.

– Исхудаешь тут! Семеро на лавке, столько же под лавкой. Прокорми-ка таку ораву!

– Да-к, сам же старался! Никто не принуждал. Тяни теперь лямку – не жалься!

– Я и не жалюсь. Так, к слову пришлось.

– Погоди! У тебя же меньше было детишков!

– В прошлом годе меньше, а ноне, по осени, прибавка случилась, Катерина двойню родила.

– О – ёй! Девки? Парни?

– Одна – девка, другой – казак.

– Ну и молодца! И себе, и тебе угодила!

– Можно и так сказать. Только хозяйка моя что-то приболела. Ноне жаром пышет. Грит, грудь закаменелая. Может, глянешь, чево с ей, да присоветуешь чево?

– А к фельшеру ходил?

– На евонную пьяную рожу любоваться? Уже который день не просыхаеть.

– Ладно. Вертайся домой, а я приготовлюсь и следом приду.

Нахлобучив шапку, Игнат вышел на улицу.

– Ну что, Лёлька, пойдёшь со мной? – спросила баба Груня, начиная собираться в дорогу.

– Конечно, пойду, – не раздумывая, согласилась Лёлька.

– Тогда пособи поклажу собрать. Возьми мой ситцевый платок и сложи на него плюшки со стола, завяжи узлом. Да налей молока в крынку. Чай, к детишкам идём! А я покамест лепёшечку замешу.

– Какую лепёшечку?

– Из муки и мёда.

– А для чего она нужна?

– Камень в груди растопить.

– И что: в самом деле поможет?

– Не сомлевайся. Не она первая.

– Вот и всё, что нам нужно, – закончив делать лепёшку, сказала баба Груня.

– Вместе-то и веселее и сподручнее: вдруг помощь твоя спонадобится, – заметила она, когда вышли на улицу.

– Коль смогу, конечно, помогу, – ответила Лёлька.

Игнат жил на другом конце хутора, где Лёлька давным – давно не бывала.

По лёгкому морозцу шагалось легко и приятно. Звук поскрипывающего под валенками снега, да лай собак оживляли мертвенно – пустынную улицу.

– Да ... Одной-то мне идти по эдакой пустоте была бы жуть ... А вдвоём-то – аж дух перехватывает, как хорошо! – приостановившись для передышки от торопкого шага, молвила баба Груня.

– Хорошо, что я угадала приехать? – улыбнулась Лёлька.

– Ещё бы! Ну, пошли дальше – ждут ведь! Это же надо – сколько их там! Да все мал – мала меньше!

– Бабуль, ну, чему ты удивляешься? У бабы Фроси-то ещё больше детей! Сама знаешь ...

– Знать-то знаю ... Да только тогда, когда она рожала их, она уверена была, что они с мужем всех детей прокормят, подымут на ноги. Детей им было, чем кормить. А нынче Игнату с хозяйкой впору по миру с сумой идти! Да-к ещё с колхозу уйти-то не дадут. Документов на руки не дают, и что хошь, то и делай! Хоть помирай – никто пальцем не шевельнёт помочь. Слава Богу, твои родители давно уехали отсель, да Ганя с Митрием, да ещё трое твоих дядьёв в город раньше подались. А остальные тут, как привязаны. И нало-

гами обложили – головы не поднять. Вот и думай теперь: где лучше жить – на хуторе, али в городе.

– Бабуль, а ты платишь налог?

– А куды ж я денусь? Конечно, плачу. Положили мне сдавать молоко, яйца, масло, мясо.

– У тебя же нет коровы!

– Ну и что? Это никому не интересно. Бери, где хошь, и сдавай. С молоком меня выручает моя Манька. Даром, что коза, а ведёрница. Она молочной породы, слава Богу! Малость молока я себе оставляю, а остальное разбавляю кипячёной водой и сдаю.

– Но таким молоком можно только козляток поить!

– А чево делать, Лёлюшка? Как-то выживать надобно, вот и мудруешь.

Баба Груня снова остановилась.

– погоди, Лёлька! Чтой-то я опять задохнулась. Похоже, погода сменится.

– Далеко ли ещё идти?

– Совсем чуток осталось. Слышишь, собачонка надрывается? Игнатова. Только бы он попридержал её, абы одёжу не порвала на радостях.

– На каких радостях? Сторожит свой дом, вот и прогоняет чужих.

– Да она у них ещё молоденькая, ей поиграться хочется, скушно одной на цепи сидеть, а то и страшно, поди.

– Бабуль, у тебя, похоже, все добрые, даже собаки!

– А как иначе? Собаки злыми будут, коли ты со злом к ним придёшь. Ты к ним по-доброму, и они к тебе – так же. Добро вертается добром, зло – злом.

Лёлька знала, что любовь и доброта бабы Груни не знали границ, и что люди отвечали ей тем же. Хуторяне частенько помогали ей: то крышу подлатать, то плетень поправить, то крыльцо наладить. Да мало ли каких поломок случается в своём доме?! Стоило ей только заикнуться о какой-то неполадке, как уже кто-нибудь объявлялся в помощники. Лёлька восхищалась и гордилась своей бабулей.

– Ну, вот мы и пришли. Вишь, старший сынок Игната встречает нас. Золотой парнишка! Помощник родителям, какого поискать – не найдёшь!

За калиткой стоял подросток лет пятнадцати в зипунишке нараспашку и шапке – треухе с поднятыми наушниками. Он загнал собачонку в конуру и, нагнувшись, придерживал её там, поджидая их.

– Здравствуй, Сёма! – окликнула баба Груня.

– Здравствуйте, бабуня! – распрямившись, ответил он и запахнул зипун. – Проходите! Мамка ждёт вас.

Гости поднялись на крылечко, открыли дверь в горницу. Детский плач, услышанный ими ещё на улице, оглушил их. Плакали груднички – двойняшки. Их на руках держали родители и не могли успокоить.

– Здравствуйте, честной народ! Ух, какие голосистые! – поздоровалась баба Груня а с ней и Лёлька.

С печной лежанки и с полатей возле печки повысовывались детские головки, здороваясь вразнобой. Игнат с женой встали навстречу.

– Лёлюшка, освободи-ка сумку на стол да забери дитё у Катерины!

Лёлька живо выставила молоко и всё остальное. Ребятишки один за другим стали спускаться на пол и несмело подходить к столу, выжидающе поглядывая на родителей.

– Отец, отлей-ка молока для малюток, а остальное подели на всех, – охрипло произнесла Катерина.

Лёлька забрала у неё младенца, тот затих, с интересом разглядывая её. Баба Груня тем временем положила кусочек булочки на чистый лоскуток ткани, что она успела прихватить из дому, завязала узелком, обмакнула в молоко и дала ребёнку. Тот с жадностью зачмокал. То же самое бабушка сделала и для девочки. В доме воцарилась тишина, нарушаемая лишь чмоканьем и чавканьем.

А потом баба Груня, объяснив Катерине, как использовать лепёшку, пожурила её:

– Что же ты, матушка, не бережешься? Ноги-то надо в тепле держать, а, куда кормишь своим молоком – тем паче! От холодных ног твоя грудь застыла и закаменела. Тебе ещё гавриков кормить – подымать! Обуй шерстяные чулки, да засунь ноги в валенки. Отогрейся, как следоват. Грудь обмотай шалью и не сымай, пока камень не растопишь.

– Может, мне в баньке попариться? – робко спросила Ка-

терина.

– Энтото не надо делать. От баньки может и поплошать. Делай, как сказала, и всё будет хорошо.

– Спасибо, баба Груня! Спасительница ты наша!

– Берегите себя и своих деток! А завтра пришлите ко мне Семёна за молоком. Плохо вам без него-то. Куда же ваша коза делась?

– Да сгинула куда-то. Выпустили её из сарая погулять, а она и пропала. Вроде, всё на глазах была, а потом хватились – как сквозь землю провалилась. Обыскались – никаких следов. Теперь думаем: грешным делом, не увёл ли кто нашу кормилицу? Она вот – вот должна была окотиться.

– Ну, вот чево: пока у вас нет козы, буду оставлять вам немного молока. А как подрастёт к лету козочка от моей Маньки, заберёте её себе. Договорились?

– Ой, спасибо, Кузьминишна! Цены тебе нет! – воскликнул Игнат, – Как и чем расплачиваться с тобой за твою доброту – даже не придумаю!

– Нашёл, об чём думать! Не придумывай ничево и не хворай об энтот! Тоже мне – плательщик нашёлся! О детях лучше думай!

Баба Груня повернулась к Лёльке:

– Ну как, Лёлюшка? Уснул малец?

– Да, – ответила та. – Наелся и спит – сопит в две дырочки.

– Положи его в люльку. Пора и нам домой, пока луна не спряталась, и дорога светлая.

Попрощавшись с хозяевами, они вышли на улицу, где их снова провожал Сёма, придерживая собачонку, надрывающуюся лаем.

– Цыц, холера тебя возьми! – цыкал он на неё ломающимся баском.

– Не ругайся на неё, Сёма! Должна же она показать чужакам, кто здесь хозяин, да своё усердие перед тобой.

– Лучше бы она показывала усердие, когда нас рядом нет. Когда коза Зинка пропала на той неделе, да-к не пикнула даже, что чужой во дворе.

– Ты не вини её в этом: она ещё молоденькая, да и чужого, может, и не было. Лучше вспомни, на кого она не лаеет даже при тебе.

– Спасибо, бабуня, за подсказку!

– Не за что ... Ты завтра не забудь за молоком до меня прийти!

– Не забуду!

– Ну, всё. Спокойной ночи, Сёма!

– И вам – спокойной. До свидания!

Весной и летом этого года Лёлька не раз была не только участницей, но и помощницей бабе Груне в оказании помощи заболевшим людям. Баба Груня радовалась стараниям внучки и однажды сказала ей:

– Лёлюшка, уж лучше бы ты на доктора выучилась! У те-

бя получится. Ты умеешь слушать людей, жалеешь их. Это хорошо.

Лёлька запомнила её совет, и всё чаще стала задумываться о смене места учёбы и профессии.

К середине лета она вернулась в город. Родителям о своих сомнениях в выборе профессии пока ничего не стала говорить, но мысль об этом не давала ей покоя.

На следующий день по возвращению Лёлька увиделась с Марой, которая примчалась к ней, едва услышала о вернувшейся с хутора подружке. Каждой из них хотелось пообщаться, пошутиться о своём, и они побежали к озеру.

– Эх, Лёлька, я так скучала по тебе! А ты всё не едешь и не едешь ... Мне столько надо тебе рассказать – ты с ума можешь сойти от моих новостей! Я думала, лопну от нетерпения, что тебя нет и нет, и мне не с кем поделиться! Почему ты так долго не приезжала?

– Ты же знаешь, не всё от меня зависит, хотя я тоже очень хотела повидаться с тобой, посоветоваться. Но сначала уж ты расскажи, что у тебя случилось.

– Лёлька, ты помнишь ребят, с которыми мы познакомились прошлым летом?

– Ну да, помню. И что?

– Они снова здесь. И снова каждый день приходят на озеро купаться.

– Ну и что из этого? Пусть себе купаются.

– Пусть-то, пусть. Но тут такое дело ... В общем, мы вме-

сте купаемся, загораем.

– То есть, сейчас мы идём к ним?

– Мы – на озеро. А там будут они.

– Вот – на тебе! Не было печали ...

– Зря ты так. Они – правда же, очень хорошие ребята!

– Верю. Только тут замешан больше твой личный интерес.

Я права?

– Ну, да. Ты права ... И потому я хочу оставить учёбу в Москве, и поехать учиться в Сталинград. Как ты на это смотришь? Но я и тебя не хочу терять! Что же мне делать?

– Роднулечка ты моя! Чуть не напугала! Конечно, надо ехать в Сталинград. Я сама хотела поговорить с тобой об этом.

– Вот это да! Здорово! Мы даже думаем об одном и том же!

– Только причины разные.

– А почему ты хочешь туда ехать?

– Надумала профессию сменить. Пожила у бабушки и поняла, что не тому учусь. Бабуля моя лечит людей разными травами, снадобьями. Вот и я надумала учиться на доктора, чтобы грамотно лечить людей. Я поняла, что это – моё. И, если сейчас не сменю профессию, то потом будет поздно и как бы мне не пришлось жалеть об этом всю жизнь.

– Лёлька, так я тоже хочу на доктора учиться!

– А не пожалеешь?

– Никогда.

– Ну, смотри ...

– Ура! Мы опять вместе! И будем вместе всегда! – закричала Мара, и побежала вперёд, пританцовывая.

Радостно – возбуждённые, они подошли к озеру. Оно встретило их безупречной зеркальной гладью и безлюдными берегами. Мара заметно сникла. Лёлька, увидев перемену в настроении подруги, прокомментировала:

– Ромео не пришёл, Джульетта вся в печали ...

– Смейся – смейся! Посмотрела бы я, что бы ты делала, если бы попала в такое положение!

– Не обижайся, Марульчик! Я хотела немного поднять тебе настроение!

– Спасибо – подняла, – грустно ответила Мара.

– Ну, что ты, дорогая моя! Нашла, о чём грустить! Чему быть – тому быть, всё у тебя наладится! А сейчас ... Мы же с тобой и без ребят всегда прекрасно отдыхали – вспомни-ка! Вот поплещемся в воде, позагораем, и сразу всю твою печаль как рукой смахнёт!

– А на другой берег поплывём?

– Пока не хочу рисковать: простуда мне сейчас ни к чему. Ты лучше скажи: у тебя с ребятами не было разговора о том, как они поступали там на рабфак? По каким предметам надо готовиться?

– Да. Говорили мы об этом. Готовиться по предметам не надо. Там требуют только политическую подкованность. Короче: историю партии знать, всех руководителей, и в каких

странах есть компартии.

– Теперь понятно, что непонятно – зачем это нам?

– Ну, хочешь – не хочешь, условия такие ...

– А ребята закончили рабфак? Их приняли в институт?

– Да. Они теперь студенты.

– Молодцы! А нам всё это только предстоит ...

– Ничего. И мы там будем учиться. Мы ещё их догоним и обгоним!

Лёлька улыбнулась:

– Разбежалась бегунья! Каким образом?

– А мы экзамены пораньше будем сдавать.

– Не спеши, торопыга! Надо сначала научиться всё вовремя сдавать!

– Но хочется и мечтается о другом.

– О чём же?

– О том, как здорово было бы вместе закончить институт, и вместе поехать работать ...

– С кем? С Иваном, или со мной?

– Конечно, всем вместе ...

– Размечталась ... Так не бывает. Придётся выбирать ...

Но, как бы мы не мечтали, надо готовиться к поездке, к собеседованию, а там ... время покажет. Сегодня мы ещё отдохнём, а завтра надо заняться делом: сходить в библиотеку, перечитать все газеты, учебник по истории партии, ну и всё по этой теме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.